

**Участник Великой войны 1914–1918 гг. Всеволод Александрович Кологривов
(биография).**

Автор: его внук Андрей Александрович Кологривов.

Всеволод Александрович Кологривов родился 3 февраля (ст. ст.) 1881 года, по одним сведениям в Одессе [1], а по другим, – что представляется более вероятным, – в родовом селе Никольском Ливенского уезда Орловской губернии [2]. Название села происходит от имени деда Всеволода Александровича – Николая Ивановича Кологривова, которому оно досталось по наследству при разделе в 1843 г. огромного имения скончавшегося тогда Ивана Семёновича Кологривова, приходившемуся отцом Николаю Ивановичу.

Род Кологривовых – старинный дворянский, корни которого восходят к Невской битве 1240 года, когда родоначальник Гаврило Алексич сражался под началом св. Александра Невского и «мужествовал крепко». От этого Гаврилы Алексича произошло много прославленных потомков, но самым выдающимся был, безусловно, Александр Сергеевич Пушкин. Забегая вперёд, заметим, что на правнучке А.С.Пушкина Всеволод Александрович впоследствии женился.

Потомки Гаврилы Алексича продолжали служить русским князьям и отличились практически во всех значительных сражениях по защите отечества. Так, правнук Гаврилы Алексича боярин Михаил Иванович был воеводой в Куликовской битве 1380 года, где и пал смертью храбрых. Тогда ещё не было фамилий даже у знатных людей.

Позднее, когда уже появились фамилии, Кологривовы продолжили славные традиции своих предков. Василий-Никита Семёнович Кологривов отличился при взятии Казани 2 октября 1552 года, но, к сожалению, был при этом убит. В память о его заслугах его имя было внесено в синодик Московского Успенского собора на вечное поминовение.

Андрей Лукьянович Кологривов отличился в войнах при Петре Великом. Он участвовал в Прутском, Персидском и Польском походах, дослужился до капитанского чина. Подробно история рода Кологривовых описывается в моей книге «Вера и честь» [3].

В Отечественной войне 1812 года участвовали двоюродные прадеды Всеволода Александровича: Андрей Семёнович и Алексей Семёнович Кологривовы. Первый – в чине генерала от кавалерии, а второй – сначала полковника, а затем генерал-майора. О них я подробно писал в очерке «Мои восемь прапрапрадедов», вошедшем в сборник «Да, были люди в наше время» [4].

Отец Всеволода Александровича Александр Николаевич в молодости, проходя военную службу, участвовал в подавлении Варшавского мятежа 1863 года. Во время войны с Турцией 1877-1878 гг. был заведующим Царёвским участком Орловской губернии для выполнения конской повинности [5].

Рис.1. Александр Николаевич Кологривов (1838-1897), отец Всеволода Александровича.
Фото 1873 г.

По воспоминаниям жены Всеволода Александровича Софьи Павловны Кологривовой (урожд. Воронцовой-Вельяминовой), Александр Николаевич “очень хороший был человек”. Он был женат на Марии Дмитриевне, урожденной княжне Ухтомской, внучке (со стороны матери) генерала-от-артиллерии Ивана Карловича Арнольди, отчима Александры Осиповны Смирновой-Россет.

Рис.2 Мария Дмитриевна Колодзривова, урожд. княжна Ухтомская (1848-1908), мать Всеволода Александровича. Фото начала 1900-х гг.

Александр Николаевич скончался около 1897 г. После его смерти родовое имение Никольское в Орловской губернии пошло с молотка на расплату с долгами, а трём его сыновьям пришлось жить исключительно на жалованье. Старший из них, Юрий Александрович, стал по существу главой большой семьи, заботился не только о жене и детях, но и о младших братьях и сёстрах и престарелой матери. Мы видим его то на службе по ведомству внутренних дел в Богородском уезде Московской губернии, то покупающим и продающим земли в Белоруссии. Из купленных им в Белоруссии земель одно имение, Старые Дороги в тогдашней Минской губернии, он подарил матери, где она и прожила до самой смерти, случившейся в 1908 году, а сам некоторое время жил рядом в имении Новые Дороги. И вот однажды его братья Всеволод и Александр, приехавшие погостить в Новые Дороги, оба влюбились в дочь соседнего богатого помещика, уездного предводителя дворянства, мирового судьи Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова красавицу Софью Павловну.

Рис. 3. Слева направо: Александр (1883-ок.1930), Юрий (1871-1942) и Всеволод (1881-1938) Александровичи Кологривовы. Фото начала 1900-х гг.

Рис. 4. Софья Павловна Воронцова-Вельяминова (1884-1974) в юности.

Со стороны матери Софья Павловна была правнучкой А.С. Пушкина. А её отец, Павел Аркадьевич был с отцовской стороны праправнуком известного писателя, агронома, паркового архитектора и общественного деятеля Андрея Тимофеевича Болотова, а с материнской — в родстве с А.И. Герценом. Воронцовы-Вельяминовы отличались гостеприимством, дом в их имении Вавуличи (оно теперь почему-то называется Дубовка) был открыт для всех добрых людей, многие жили у них месяцами. Среди гостей были родственники Ф.И. Тютчева и братьев Жемчужниковых, тех самых, что писали вместе с Алексеем Константиновичем Толстым под псевдонимом Козьма Прутков. Кстати, имение Алексея Константиновича, великолепный майорат Красный Рог, подаренное ему Александром II, находилось не так уж далеко, и Воронцовы-Вельяминовы часто бывали там в гостях у Жемчужниковых, унаследовавших майорат после кончины бездетного Алексея Константиновича. Вследствие таких добросердечных отношений одна из сестёр Павла Аркадьевича вышла замуж за Жемчужникова, а другая — за Тютчева, дальнего родственника поэта. Таким образом, в семье Воронцовых-Вельяминовых образовался генеалогический узел, связывающий родством многих выдающихся деятелей русской культуры. Связи были не только родственные, но и духовные. В Вавуличах возникла исключительная культурная атмосфера, где все дышало стихами Пушкина, Тютчева, А.К.Толстого... Благодарная память о ней до сих пор живет среди потомков тех, кто хотя бы раз там побывал. Очарование этого дворянского гнезда быстро овладело Всеволодом Александровичем и вдохновило его на такие стихи, посвященные Вавуличам и его

обитателям:

*Приветствую тебя, приют уединенный!
Тебя от всей души и сердца я люблю.
Твой вид пленяет взор; как юноша влюбленный,
Так на тебя всегда я с радостью гляжу.*

*Когда к тебе порой, с душою утомленной,
Как некий странник я усталый прихожу, —
Сочувствие души, свет мысли вдохновленной
Средь милых мне людей всегда я нахожу.*

*И вид твоих лесов, и сумрак летней ночи,
Мерцанье вечера и утра яркий свет,
Мне сердце радуют, мои ласкают очи,
И чувствую во всём я ласковый привет.*

*В тебе сияет свет той пламенной зарёю,
Которую всегда душа моя полна.
Я с радостью слежу за ясною звездой
И верю: светлый путь укажет мне она.*

*Я всё благословлял, прощаясь с тобою,
Как странник тот, о ком впервые слышал я.
Природу, и людей, и жизнь с ея борьбою.
За правду, за любовь, за всё молился я.*

1906 г., 27 июля

Итак, Всеволод и Александр, родные братья, влюбились в красавицу Софью Воронцову-Вельяминову. Любовь была сильной, характер юношей – пылкий. Однажды Александр вызвал Всеволода на дуэль, когда ему показалось, что тот, сидя с Софьей на диване, позволил себе что-то лишнее. Своевременное вмешательство старшего брата Юрия не дало свершиться кровавой драме, но в душе Александра ревность к более счастливому Всеволоду не угасла: через несколько лет, окончательно убедившись, что Софья отдаёт предпочтение Всеволоду, он пытался застрелиться, к счастью, безуспешно. Но Всеволод долго не мог добиться согласия отца Софьи на брак: его положение бедного безземельного офицера в невысоком чине, хотя и древнего рода, Павел Аркадьевич находил не соответствующим возможности брака с богатой наследницей. Поэтому Всеволод упорно старался отличиться по службе. Окончив Воронежское реальное училище в 1903 г., он поступил в Константиновское артиллерийское училище юнкером рядового звания. Через год был произведён в унтер-офицерское звание, а ещё через год – в портупей-юнкеры и вскоре в подпоручики и окончил училище по первому разряду. По окончании училища направлен в 3-ю конно-артиллерийскую батарею. Через год, в 1906 г. направлен в г. Сувалки в Польше. В 1908 г. временно исполнял должность адъютанта дивизиона, после чего Высочайшим приказом произведён в поручики. Занимал должности адъютанта дивизиона, заведующего командой разведчиков дивизиона, заведующего батареей хозяйством. Награждён светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны [6]. Замечу в скобках: война 1812 года большей частью называлась Отечественной, война 1914-1918 гг. – Великой, а война 1941-1945 гг. – Великой Отечественной. По моему мнению, такие названия удачно характеризуют особенности каждой из этих войн, и хорошо было бы их закрепить.

В том же 1912 г. Всеволод Александрович Высочайшим приказом был произведён в штабс-капитаны. В 1913 г. награждён светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования дома Романовых. С октября 1913 по январь 1914 был временно

командующим батареей [6].

И вот разразилась Великая Первая мировая война. Как только Всеволод узнал об этом, он написал письмо невесте Софье Воронцовой-Вельяминовой. Письмо это Софья Павловна хранила все последовавшие за тем долгие, трудные, страшные годы. Сейчас оно хранится у меня. Какое это письмо! Невольно хочется воскликнуть: «Да, были люди в это время не то, что нынешнее племя!» А ведь это было, по историческим меркам, совсем недавно, но как изменилась жизнь, как изменились нравы, как изменился стиль мышления русских людей!

Вот это письмо:

“20 июля, Сувалки

Дорогая Соня!

В такую минуту как сейчас я не могу не написать тебе. Объявлена война, и мне верится, что она мне поможет разрешить вопрос моей жизни относительно наших отношений. Твердо верю в помощь Бога и его защиту и справедливость. Настроение у меня хорошее. Сегодня вечером или завтра утром выступаю. В бою еще не был и немного волнуюсь за своё состояние во время боя. Надеюсь на моего Ангела, который мне поможет с твердостью и спокойствием исполнить мой долг. Целую тебя.

Всеволод.”

Жизнь показала, что Всеволод напрасно «волновался за своё состояние во время боя». Уже в октябре 1914 г. он был Высочайшим приказом награждён орденом св. Анны 4-й степени за храбрость.

Но вскоре ему пришлось уйти с передовой, а затем и вовсе демобилизоваться. В одном из боев он с товарищами торопился как можно быстрее передвинуть артиллерийские орудия на новые позиции, и одна из пушек упала, придавив ему ноги. Распоряжением главного врача головного эвакуационного пункта № 12 от 23 марта 1915 г. он был эвакуирован в тыловой госпиталь.

Послужной список Всеволода Александровича заканчивается следующей фразой:

«В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих сроки выслуги к сему знаку».

Высочайшим приказом от 10 сентября 1915 г. Всеволод Александрович по состоянию здоровья был уволен от военной службы с награждением чином капитана и назначен комиссаром по крестьянским делам Лифляндской губернии [6].

Тогда наконец-то Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов дал согласие на брак своей дочери Софьи с отставным офицером Кологривовым. Свадьба состоялась в январе 1916 года. После свадьбы молодожёны сфотографировались. Вот эта фотография:

Рис. 5. Софья Павловна и Всеволод Александрович Кологривовы после свадьбы. Январь 1916 г.

От этого периода сохранилось письмо Всеволода к брату Юрию:

26/II.

Дорогой Юрий! Я сижу в Пскове, командирован для приема продовольственного зерна для населения. Приходится знакомиться с неизвестным и трудным делом. Деньги получил, благодарю. Я писал Минскому Воинскому Начальнику, прося известить меня насчет денег за мою лошадь, но не получаю ответа, боюсь за документы. Напиши ему и попроси прислать мне всю переписку. Знакомых здесь никого нет, и меня тянет домой, но едва ли скоро попаду. Целую тебя. Всеволод.

Адрес:

Г. Смоленск, Конский запас, ЕВБ Юрию Александровичу Кологривову.

По-видимому, именно в это время Всеволод Александрович сделал рисунок головы лошади (может быть, той самой, которую он вынужденно продал воинскому начальнику и по которой скучал?).

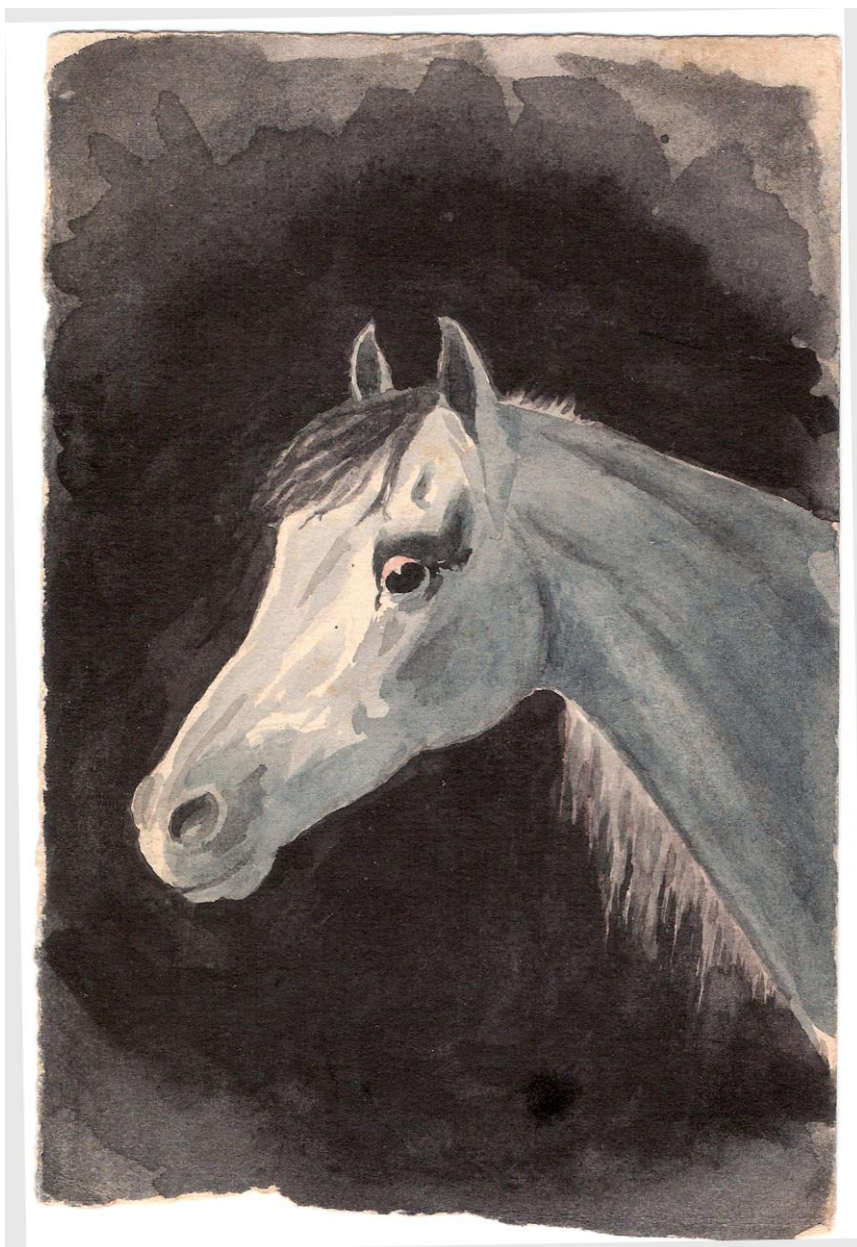

Рис. 6. Голова лошади. Рисунок В.А. Кологривова.

Вскоре после этого Всеволод Александрович получил, как ему казалось, более выгодное место помощника лесничего и отправился с молодой женой в город Венден (ныне Цесис, Латвия). Была договоренность с начальством, что через год он займет место лесничего, который собирался уйти на покой. Софья Павловна поселилась в Вендене в доме княгини Ливен, с которой у нее были дружеские отношения, что видно из сохранившихся писем. В декабре 1916 года в этом доме у Кологривовых родился первенец, которого назвали Александром. Всеволод Александрович рассчитывал с лета 1917 года занять место лесничего... Но всё перевернулось. Спасаясь от наступавших германских армий, Кологривовы вынужденно переехали в Бобруйск, где у Павла Аркадьевича был собственный дом. Судя по историческим данным о ходе германского наступления, это произошло в августе 1917 года. Но и в Бобруйске было неспокойно: подстрекаемые большевиками “активисты” конфисковали все земли, принадлежавшие Воронцовым-Вельяминовым, в том числе и Вавуличи.

А дальше, как мы знаем, началась гражданская война. Власти менялись одна за другой: после Брестского мира пришли немцы, в конце 1918 года они ушли, их сменяли красные, белые, поляки, а то и просто бандиты “батьки” Балаховича. Софья Павловна, много лет спустя, так описывала события того времени:

«Перед приходом большевиков наши мужчины предложили нам – женщинам – решить надо ли им уезжать или остаться. Мы, зная, что большевиков не много, решили, что безопасней им на несколько месяцев уехать. ... Отца (Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова – А.К.) крестьяне уговаривали не уезжать и говорили, что его не выдадут пришлым, но он, кроме нашего женского решения и сам предпочел устраниваться на время, говоря: “Смерти я не боюсь, но не хочу, чтобы меня по тюрьмам послали”.»[7]. Никто тогда и думать не мог, что уезжает не на несколько месяцев, а навсегда.

Итак, в 1918 году Павел Аркадьевич переехал в Киев, где готовился постричься в монахи Киево-Печерской лавры. Но этому не суждено было осуществиться: в феврале 1920 года он был убит в своем доме неизвестными людьми. А Всеволод Александрович в конце 1918 года, перед приходом в Бобруйск большевиков, не только по совету женщин, но и по призыву старых друзей-однополчан уехал в Одессу, намереваясь примкнуть к белому движению. И своего второго сына Олега, родившегося в апреле 1919 г., Всеволод видел только на фотографиях. Что касается дальнейшей судьбы Всеволода Александровича, то она вырисовывается лишь из собранных по крупицам отрывочных сведений, передававшихся из уст в уста, и документов из архивов НКВД, часто противоречащих друг другу. Софья Павловна утверждала, что ее муж *ушёл* к Колчаку, Александр Юрьевич Кологривов, сын много раз упоминавшегося здесь Юрия Александровича, старшего брата Всеволода, и Сергей Евгеньевич Клименко (сын сестры Софьи Павловны) утверждали, что он обвинялся впоследствии как *служивший* в белой армии генерала Миллера (кстати сказать, дальнего родственника жены, так как генерал Миллер был потомком Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной от ее второго брака с П.П. Ланским)..

В 2016 году, благодаря стараниям моей дочери Елены Андреевны Кологривовой, была получена справка от КГБ Киргизии [1], а также справка из архива ВЦИК [8], из которых следует, что Всеволод Александрович накануне прихода большевиков в Бобруйск в ноябре 1918 года действительно отправился в Одессу, намереваясь вступить в белую армию, на что его уговорили друзья-однополчане. Но он не попал в армию, а оказался в кавалерийском кадетском корпусе в местечке New Market в Англии. Как это произошло – не понятно, так как в этот корпус отправляли освобождаемых от немецкого плена русских воинов в связи с окончанием Первой мировой войны. Возможно, что по пути в Одессу Всеволод Александрович попал в плен (в справке КГБ Киргизии указано, что он был в немецком плену, но согласно послужному списку он в 1914–15 гг. в плену не был, так что плен мог быть в 1918-м, перед самым концом войны) и уже оттуда был отправлен в New Market. Англичане, высоко ценя профессиональные знания кадрового офицера – конного артиллериста Кологривова, предложили ему место преподавателя в этом кавалерийском кадетском корпусе. Он и стал таковым на какое-то время. Но очень хотел вернуться в Россию. Он говорил, что не мыслит себя иначе, чем слугой России, и готов перенести любые испытания, лишь бы исполнить эту миссию, а на спокойную и безбедную жизнь на чужбине не согласен.

По семейному преданию, Всеволод Александрович нашел документы, из которых следовало, что англичане были обязаны предоставить белым (по-видимому, Миллеру) два военных корабля. Кологривов затеял судебный процесс против Британского Адмиралтейства и выиграл его. Суд признал его право на получение кораблей в свое распоряжение. Это подтверждается той же справкой КГБ Киргизии [1], где указано, что после New Market’а он какое-то время находился в Лондоне. Корабли были предоставлены, Всеволод Александрович набрал команду из числа единомышленников, так же как он понимавших свой долг служения отечеству. Их оказалось немало. Таково,

повторяю, семейное предание. Оно подтверждается информацией [9,10] о том, что из New Market'a к Миллеру в 1919 году были отправлены корабли с белогвардейцами, прошедшими обучение в кадетском корпусе, но имя Кологривова не упоминается, не упоминается даже о том, что был суд. Возможно, он был не единственным истцом в суде, а если истцов было много, автор статьи не счёл нужным всех упоминать, да он мог и не знать имён. Корабли и все, кто на них был, прибыли в распоряжение Миллера 20 июля 1919 года [2].

Сергей Евгеньевич Клименко, сын старшей сестры Софьи Павловны, жены Всеволода Александровича, рассказывал, что, так как Всеволод Александрович по состоянию здоровья был не годен к строевой службе, он был назначен помощником военного атташе (полагаю, Миллера при Колчаке). И вследствие этого 14 августа 1919 г. был отправлен Миллером к Колчаку [2], причём ему поручили передать пакет с секретными документами. Путь от Миллера к Колчаку пролегал через территории, занятые красными. Всеволод Александрович попал к ним в плен. Дальше, по одной версии, он сумел бежать, по другой – нет. Во всяком случае, в 1920 году он находился в Иркутском лагере для военнопленных белых офицеров, как следует из справки [8], составленной по материалам архивного дела от 1923 года, когда его жена Софья Павловна хлопотала об амнистии. В этой же справке написано, что он был в Иркутске в госпитале. Из справки нельзя понять, был ли он переведён из лагеря в госпиталь для военнопленных уже при власти большевиков, или попал в госпиталь ещё при Колчаке (возможно, получив ранение при побеге из плена) и там был обнаружен советской властью и отправлен в лагерь. Вскоре после этого он был освобождён из-под ареста, и ему было определено место жительства в г. Вятке на правах ссыльного. Там он смог устроиться завхозом общежития сельхозтехникума. Столь необычно мягкая для белогвардейца мера наказания, по-видимому, объясняется тем, что он в боевых действиях не участвовал. Тем не менее, хлопоты Софьи Павловны, просившей позволить ему вернуться в Бобруйск, удовлетворены не были.

Его старший брат Юрий Александрович в эти годы устроился служить на конный завод в Бобруйске, чему много способствовал его старый друг известный генерал Брусилов, который по каким-то причинам сохранил влияние и при власти большевиков. Однако жизнь была нелегкой. Комиссары в Бобруйске в те годы менялись часто. Каждый новый комиссар, узнав, что бывший помещик, бывший служащий Министерства внутренних дел, бывший предводитель дворянства, и пр., и пр. разгуливает на свободе, да еще занимает ответственную должность на конном заводе, считал необходимым его арестовать. После ареста родные давали знать об этом Брусилову. Из Москвы следовала команда: “Кологривова освободить и восстановить в должности”. Освобождали и восстанавливали, но приходили новые комиссары, и всё повторялось сначала. Так продолжалось до 1925 года. Теперь почти никто не знает, и в исторической литературе почему-то не пишут, что в 1925 году было принято решение выслать всех бывших помещиков, которые по каким-либо причинам всё ещё проживали вблизи своих бывших поместий. Брусилов, узнав об этом, заранее предупредил Юрия Александровича, посоветовав ему добровольно и срочно переехать в Среднюю Азию, где подыскал ему место не то начальника, не то главного специалиста одного из конных заводов. Юрий Александрович последовал совету Брусилова. Это дало ему возможность остаться полноправным гражданином СССР и получать хорошее жалование, на которое он мог содержать свою большую семью (жена и пятеро детей). Обосновавшись в столице Киргизии городе Фрунзе (ныне Бишкек), Юрий Александрович добился разрешения для брата Всеволода поселиться рядом с ним во Фрунзе с тем же статусом ссыльного и устроил его на работу, как специалиста по коневодству, на тот же конный завод. Всеволод Александрович хорошо знал конное дело, так как служил в конно-артиллерийской батарее.

На этом преследования Всеволода Александровича не закончились. Как рассказывала его жена Софья Павловна: «В 1934 году было решено всех бывших офицеров,

занимавших относительно высокие должности, вытеснить с них путем арестов». Всеволод Александрович был арестован и провел в лагерях около года. 19 ноября 1935 года он был освобождён досрочно, но уже не мог работать по коннозаводческой специальности, и ему пришлось устроиться школьным учителем физики и немецкого языка. Но он не унывал, не жаловался на тяжёлую судьбу, что видно из его сохранившегося письма тех лет:

7/XII 35

Г. Аулиэ-ата

Колхозный переулоч

Дом № 25

Дорогая Соня!

Сегодня я получил от Оли твой адрес, которого не знал, и пишу тебе, что 19-го ноября я был освобожден. Заехал в Ташкент, там получил свои часы и хлопотал о моих вещах. Ведь у меня ничего нет: ни одежды, ни белья! Т.к. те хламиды, что я ношу, меня не устраивают, а отсутствие белья – естественно удручает. Нашлись добрые люди, которые меня временно приютили, но они сами в нужде, и мне неловко злоупотреблять их добротой.

Я безмерно счастлив и рад своей свободе, и на радостях хотелось бы поехать к вам, но незнание адреса, с одной стороны, и материальные затруднения с другой, направили меня сюда. Я сейчас без места, но мне обещали, и я не унываю. Чувствую себя еще слабым вообще, а ноги и сердце меня и удручают, и раздражают (не могу как раньше пилить дрова и носить воду, надо останавливаться и отдыхать), но утешают, говорят, это пройдет.

Тем временем подрастало следующее поколение Кологривовых: Наталья, Владимир, Александр, Ольга и Анна Юрьевичи во Фрунзе, Александр и Олег Всеволодовичи в Бобруйске. Страшные потрясения настигли их в годы коллективизации. Владимир Юрьевич, к тому времени уже юноша, живя среди киргизов, изучил киргизский язык. Кто бы мог подумать, что за это ему придется поплатиться! Он оказался случайно при разговоре нескольких киргизов, обсуждавших, как им уклониться от обобществления лошадей. Предполагалось перегнать лошадей в Китай на время, пока будут работать приехавшие из Центра начальники, проводившие учет имущества, подлежащего обобществлению. После отъезда начальников неучтенных лошадей рассчитывали вернуть хозяевам. Так как заговорщики думали, что Кологривов не понимает по-киргизски, они не принимали никаких мер конспирации. Но, узнав, что Владимир Юрьевич понимает их язык, киргизы испугались, что он мог услышать разговор и донести. И они сделали “упреждающий удар” — сами написали донос на Кологривова. Якобы он, сын “буржуазного специалиста”, подговаривал их на такое дело, а они, — “честные советские труженики”, — возмущены, о чем и доносят. Владимир Юрьевич был арестован и приговорен к расстрелу. Его спасла Софья Павловна — жена Всеволода Александровича, главного героя нашего повествования. Софья Павловна в те годы уже жила в Москве и энергично взялась за дело. Трижды ей удавалось добиться отмены приговора и трижды ГПУ-НКВД вновь выносило приговор о расстреле. Владимир Юрьевич, ничего не зная об этом, почти год просидел в камере смертников, ежедневно ожидая расстрела. Наконец ему объявили, что смертный приговор изменён на продолжительное заключение, и перевели в другое отделение, где ему было поручено работать на приёме телеграмм. И вот (кажется, это было 1 апреля) Владимир Юрьевич сам получает по телеграфу приказ о своём освобождении в связи с невиновностью. Он подумал, что это розыгрыш товарища, который работал на параллельном аппарате. “Ну, брат, ты – большой шутник, но меня не разыграешь!”, — мрачно отозвался Владимир Юрьевич и долго не мог поверить, что

телеграмма подлинная, а не шуточная.

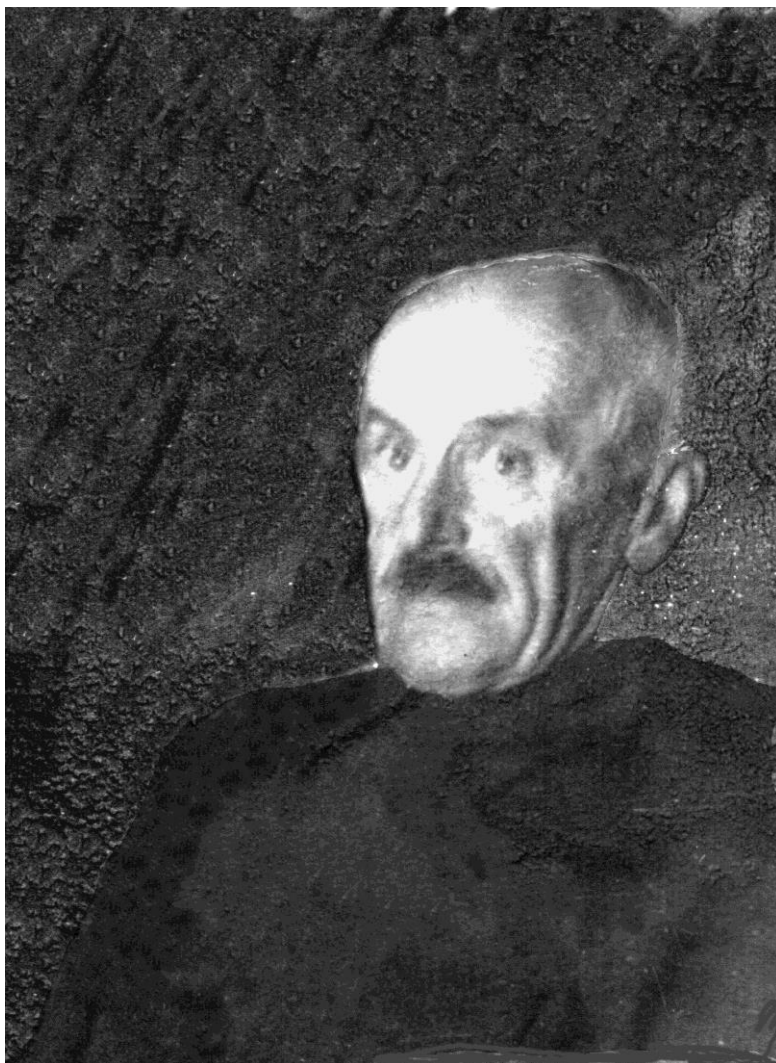

Рис. 7. Владимир Юрьевич Колодиров (1908-1989). Фото 1970-х гг.

Да, иногда удавалось добиться отмены несправедливых приговоров, если за дело брались такие люди, как Софья Павловна. Они шли до конца, невзирая на опасность, грозившую им самим за сочувствие к судьбе заключенных. Низкий поклон этим мужественным людям!

В эти же годы дети самой Софьи Павловны и Всеволода Александровича находились в детских колониях, организованных по проекту А.С. Макаренко. Софья Павловна, предчувствуя неминуемый арест и опасаясь за судьбу детей, дальновидно устроила их в “школы коммунизма”, где содержались сыновья большевистских вождей, которых отцы отдали в эти учреждения, следуя убеждениям о необходимости коллективистского воспитания. Среди них был сын руководителя штурма Зимнего дворца В.А. Антонова-Овсеенко, ставший в 60-е гг. диссидентом. Александр и Олег впоследствии были благодарны матери за такое решение, справедливо считая, что она спасла их от гораздо худших лишений, а также дала возможность получить в дальнейшем “чистую” анкету, где было записано: “воспитанник детского дома”.

В 1936 году была создана правительственная комиссия по подготовке к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. С помощью этой комиссии Александру и Олегу, праправнукам поэта, было разрешено поселиться с матерью в Москве. Александр, к тому времени получивший среднее образование в коневодческом техникуме в Воронеже (любовь к коневодству — фамильная традиция!), поступил в Московский Педагогический институт

на факультет русской литературы; Олег, несколькими годами позже, — в Институт прикладного искусства.

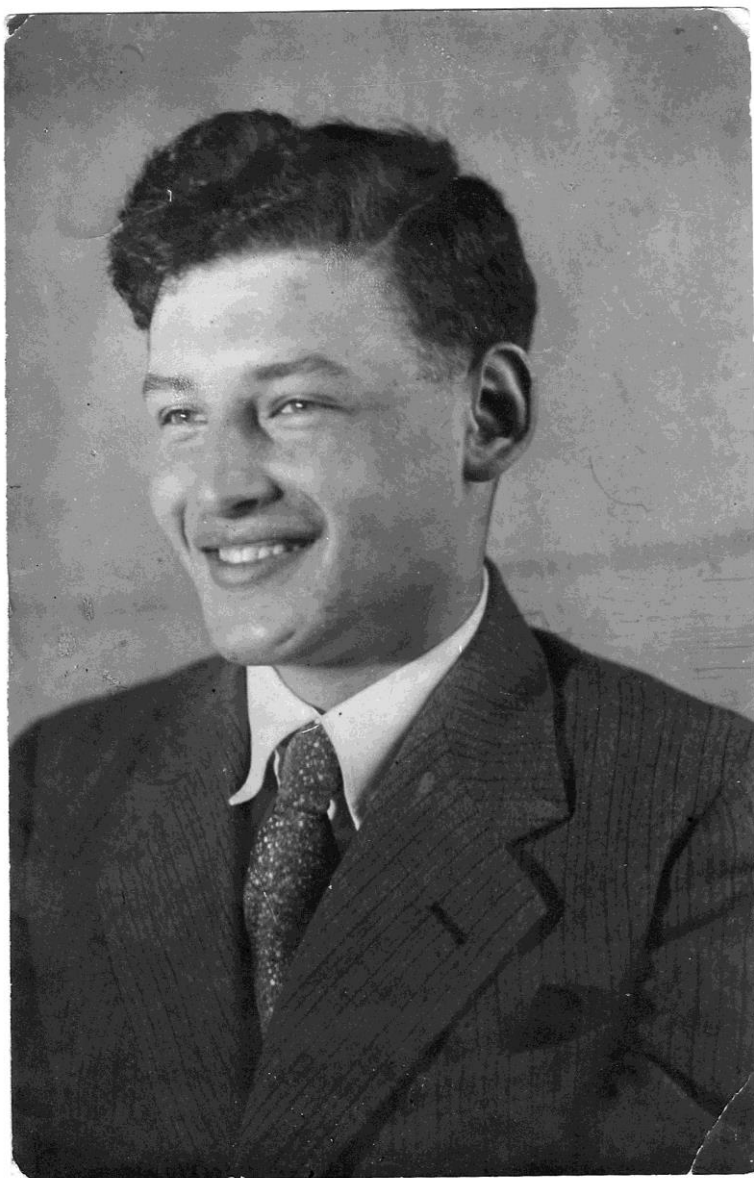

Рис. 8. Александр Всеволодович Колодиров (1916-1968), старший сын Всеволода Александровича. Фото конца 30-х гг.

Рис. 9. Олег Всеволодович Колодиров (1919-1984), младший сын Всеволода Александровича. Фото конца 30-х гг.

Братья мечтали о встрече с отцом. В начале лета 1938 года, когда удалось скопить денег на дорогу на одного человека, решили, что первым к отцу поедет Александр. Но, случайно или нет, – мы не знаем, – 17 июня, именно в тот день, когда Саша выехал на встречу, Всеволод Александрович был арестован.

Узнав об аресте, родственники отправили в Москву телеграмму: “Задержите отъезд — Всеволода нет”. Пришел ответ: “Саша выехал поездом таким-то”. И Саша, приехав во Фрунзе, встретил на перроне лишь Юрия Александровича, сообщившего печальную новость: “Твоего отца забрали три дня назад”. Так и не суждено было вновь увидеться отцу и сыну. Конечно, Софья Павловна снова бросилась во все инстанции, пытаясь спасти мужа. Но тут уже никто не мог ей помочь. Всеволод Александрович Колодиров пропал бесследно. Лишь в 1942 году Софья Павловна получила короткую справку о смерти мужа в лагере. И только в конце 80-х годов стало известно, что эти справки ложные; в таких случаях расстрел происходил сразу после вынесения приговора. А приговор был вынесен тройкой УНКВД 22 октября 1938 года, как следует из справки о реабилитации [11], которую Александр и Олег получили в 1959 году по запросу в Верховный суд Киргизии. А совсем недавно, благодаря стараниям моей дочери Елены Андреевны Колодировой, удалось получить справку КГБ Киргизии [1] о том, что смертный приговор был приведен в исполнение 25 октября 1938 г. В той же справке указано, что «на основании закона Кыргызской республики № 1538-ХІІ от 27 мая 1994 г. ... Колодиров Всеволод Александрович посмертно реабилитирован». И не понятно, почему дана ссылка на этот закон, а не на постановление Верховного суда Киргизии от 1959 г. о реабилитации «в связи с отсутствием в его действиях состава преступления»?

Такова была судьба моего деда – Всеволода Александровича Кологривова, старинного русского дворянина, офицера Русской императорской армии, а затем Белой армии, честного патриота, служившего Родине, несмотря на то, что она была к нему столь неоправданно жестока. При всех лишениях, выпавших на его долю, не терявшего чувства оптимизма и веры в своего Ангела, в свою звезду и в то, что «светлый путь укажет мне она». Вечная ему память!

На этом я собирался закончить. Но, перечитав своё сочинение ещё раз, почувствовал, что всё, здесь написанное, конечно, правда, да не вся. Чего-то очень важного не хватает. Из-за этого у читателя, особенно если это будет читатель нового поколения, не живший при советской власти, может возникнуть неправильное представление, якобы жизнь «классово чуждых элементов» состояла из одних страданий.

Но это не так. И ярким примером того, что «чуждым элементам» был знаком весь спектр жизненных переживаний, и счастливых, и грустных, служат сыновья Всеволода Александровича: мой отец Александр Всеволодович и его брат Олег Всеволодович. Так как отца я, по понятным причинам, знаю лучше, чем дядю, я уделю ему больше внимания.

Отец был каким-то неисправимым оптимистом. Несмотря на голодное детство и страшное отрочество в белорусской «Дитячей калёнии им'я таварышча Чарвякова¹», где хозяйничали великовозрастные уголовники², при малейших признаках улучшения ситуации любил цитировать Вольтера³: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров». Или передразнивал известную песню тех времён: «Мы не сынки у маменьки в помещичьем доме, / Мы выросли из пламени в пороховом дыму» так: «Мы выросли из пламени в помещичьем доме». Однажды при встрече со знакомым на его вопрос: «Как дела?» огорошил ответом: «Как у Ленина, только наоборот». – «Как это понимать?» – был тот в недоумении. – «Очень просто: Ленин умер, а дело его живёт⁴, а у нас наоборот: дело наше, имя Вавулич, от неумелого управления новыми советскими хозяевами, можно сказать, умерло, а мы живы». В любой ситуации, даже самой ужасной, стремился найти что-то положительное, вспоминая Платона Каратаева из «Войны и мира», который утешал Пьера Безухова, ставшего свидетелем жуткого расстрела и самого едва не расстрелянного: «А картошки важнее».

Такое отношение к жизни помогло братьям Кологривовым пережить ужасы новой войны – Великой Отечественной 1941–45 годов. Об их участии в этой войне я писал в книге «Вера и честь. История рода Кологривовых» [3]. Четыре тяжелейших года братья воевали на разных фронтах, не имея сведений друг о друге.

Но вот пришла долгожданная Победа. Оба брата встретили её в Берлине. Так как в этом городе было много плавательных бассейнов, командование организовало соревнование по плаванию среди бойцов Первого и Второго Белорусского фронтов. Александр Кологривов, отличный пловец, принял в нем участие. Готовясь к заплыву, услышал команду: «Приготовиться Кологривову», пошел на старт и... столкнулся с братом Олегом, которого не видел с начала войны. Можно представить, как радостна была эта встреча! В соревнованиях Олег Всеволодович взял четвертое место и был удостоен Почетной грамоты, которую получил из рук одного из выдающихся военачальников — Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Александр Всеволодович тоже показал хорошие результаты, но призов не удостоился. Но какое это имело значение по сравнению со

¹ Как я писал ранее, Софья Павловна устроила своих детей в «хорошую» колонию, где воспитывались, среди прочих, дети руководителей СССР. Но затем (может быть, применяя пресловутый «классовый подход»), их перевели в колонию им. Червякова, где содержались уголовники.

² О порядках, царивших в этой колонии, даёт представление такая деталь. Олег Кологривов прибыл туда в вечернее время. Начальник колонии отправил его ночевать в свою квартиру, так как опасался, что новичка могут убить.

³ Успела мать дать детям зачатки хорошего образования! Даже в тех тяжёлых условиях.

⁴ Широко распространённый пропагандистский лозунг большевиков.

встречей брата! После этой встречи они сфотографировались (рис. 10). Любопытно отметить, что Олег Всеволодович здесь в форме немецкого солдата. Деталь, говорящая о многом. Да, мы победили, но какой ценой! У армейских снабженцев даже не оказалось гимнастёрки, и воин-освободитель, чемпион по плаванию был вынужден надеть трофейную форму вражеского солдата! Но это, конечно, не омрачило радость Победы и радость встречи братьев, оставшихся живыми и, хотя и ранеными, но, можно сказать, здоровыми.

Рис. 10. Александр (слева) и Олег Всеволодовичи Кологривовы в Берлине после Победы. 1945 год.

Вот на этой радостной ноте можно и закончить повествование.

Использованные материалы.

1. Справка Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской республики № К-378 от 06 марта 2015г.
2. http://ria1914.info/index.php?title=Кологривов_Всеволод_Александрович
3. А.А. Кологривов. Вера и честь. История рода Кологривовых. М., 2000.
4. А.А.Кологривов. Мои восемь прапрапрадедов. В сб. «Да, были люди в наше время!». М., 2013. С. 148–155.

5. Адрес-календарь Орловской губернии. Орёл. 1877. Стр. 138.
6. Министерства Военного Главного штаба 8 отделения 1-го стола дело № 121. Об увольнении от службы штабс-капитана Кологривова. Началось 13 июля 1915 г. ЦГВИА, ф. 409, оп. I, ед. хр. 190048.
7. Письмо С.П.Воронцовой-Вельяминовой (по мужу Кологривовой) в Историко-краеведческий музей г. Бобруйска (республика Беларусь) от 18.06.1962.
8. Отдел частных заявлений и ходатайств ВЦИК'а. Дело № 010375 / 3517. Кологривов Всеволод Александрович. Начато 31/III 1923 г. Закончено 29/8 1923 г. ЦГАОР СССР, ф.3917, оп. 4, ед.хр. 12-67.
9. Training of Russian Officers (Newmarket Camp) *HC Deb 13 August 1919 vol 119 cc1296-7*. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/aug/13/training-of-russian-officers-newmarket>.
10. 500 Russians Complete Their Training. <http://www.britishpathe.com/video/500-russians-complete-their-training/query/01085200>.
11. Справка Верховного суда Киргизской ССР № 13-51 от 16.09.1959 г.
12. Письма из личного архива автора.